

НАША СТРАНА

Год издания 77-й. Буэнос Айрес, 9 мая 2025

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 9 de mayo de 2025

No 3245

ВСЯ ПРАВДА О СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЕ

К 80-ЛЕТИЮ ЕЁ ОКОНЧАНИЯ

Есть факты о Второй Мировой войне, которые до сих пор скрывают от русского народа. Она в последние годы стремительно превратилась в миф.

Вспомним известное высказывание Михаила Покровского о том, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Правда, Покровский это относил к “буржуазным” историкам, но на самом деле, когда речь заходит об истории и когда об этом говорят политики или дилетанты, то это почти всегда политизация, соотнесение прошлого с настоящим и прямая экстраполяция.

Вот например, пакт Молотов – Риббентроп: кто на самом деле выиграл от этого соглашения, что, в итоге, получила Германия, а что – Советский Союз?

Данные показывают, что это была колоссальная ошибка Сталина. Он рассчитывал оказаться в роли третьего радующегося. Сталин думал, что будет как в Первую Мировую затяжная война, эти капиталистические страны будут друг друга истощать и, тем самым, будет приближаться мировая революция. Не говоря уже о том, что Советский Союз будет в безопасности, поскольку эти хищники империализма будут воевать друг с другом. Это он говорил Георгию Димитрову, председателю Коминтерна, который интересовался, как ему вести себя и как вести себя Коминтерну, когда вот был враг, германский национал-социализм, и вдруг с ним подписали Договор о Ненападении, предприняли совместные действия в отношении Польши. Димитрову это было непонятно, как и многим другим, как вести себя, как заниматься пропагандой в этих условиях?

Так что Сталин ему разъяснил. А в итоге получилось, что война оказалась не окопной, не затяжной, а маневренной, молниеносной, блицкриг. Разгромлена Франция, походя оккупированы Норвегия, Бельгия, Голландия. Сталин получил Восточную часть Польши, Западную Украину, Западную Белоруссию, прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину.

А Германия получила целый ряд развитых европейских стран, чья промышленность теперь работала на Гитлера. Более того, он получил военнопленных, которых можно было задействовать в работе на германскую промышленность и освободить немецких мужчин для службы в Вермахте, и получил в готовом виде существенные военные запасы, транспорт, колоссальное приращение разного рода полезных ископаемых, вроде бокситов, то есть алюминия, из которого делают самолеты. Колоссально усилилась гитлеровская Германия, и кто выиграл не нужно объяснять.

И тут случился этот кошмар

для Сталина, – Германия разгромила Францию и Советский Союз, оказался один на один на континенте с нацистами.

Русские белые эмигранты отнеслись к Пакту с недоумением. Кроме того, были очень огорчены, особенно те, кто жил во Франции, той волной русофобии, которая захлестнула власти и общество, – ведь Советский Союз подписал соглашение с потенциальным противником и буквально через десять дней этот противник стал не потенциальным, а вполне реальным. Во Франции начались довольно жесткие преследования коммунистов, которые стали теперь ассоциироваться с той страной, которая заключила соглашение с Германией.

Когда СССР начал войну с Финляндией, большинство белых эмигрантов выступали категорически против этой агрессии красных, но были и ренегаты, которые поддержали большевиков. К примеру, Павел Милуков сказал, что ему жалко финнов, но он не представляет себе “Россию” без Выборгской губернии.

Большая часть эмигрантов обрадовалась этому советскому нападению, считая, что наконец придёт крах большевизма. А когда Германия напала на СССР генерал Алексей фон Лампе, глава Русского Обще-Воинского писал генералу Браухичу, что белые готовы снова воевать с коммунистами. Но Гитлер не доверял русским, какие бы они ни были – белые, красные или зелёные. Он правильно полагал, что это – русские националисты и рано или поздно они всё равно выступят против Германии. Отсюда, кстати, недоверие Гитлера к Власову и то, что ему позволили сформировать Русскую Освободительную Армию только в конце 1944 года, когда поезд уже ушёл. И никакого такого русского правительства, альтернативного большевизму, нацисты не допустили.

Генерал Краснов был назначен начальником Главного Управления Казачьих Войск. Но между Красновым и Власовым не было хороших отношений. Кстати, фон Лампе пообщался с Власовым и написал письмо генералу Архангельскому, который был главой Русского Обще-Воинского Союза в то время, что он поговорил с Власовым, он наш, он такой же, как мы, он так же мыслит, но только нет культуры, нет того, другого... Не очень высоко оценивал уровень образования и интеллектуальные способности этого крестьянского сына. Но он такой же, как мы, он мыслит теми же категориями.

Тем не менее, когда образовался власовский Комитет Освобождения Народов России в ноябре 1944 года и был обнародован Пражский Манифест, то в этом участвовали и белые эмигранты.

Вопрос: а мог ли Советский

Союз выиграть войну без помощи союзников? Конечно, нет. Войну выиграла антигитлеровская коалиция. И это было написано во всех советских учебниках: потому, что мы были вместе, война и была выиграна.

Напомним одну цифру. Советский лётчик Александр Покрышкин 48 из своих 59 сбитых самолетов противника сбил, летая на американском самолете-истребителе “Аэрокобра”, и на этих же самолетах летала вся его эскадрилья, и потом тот полк, которым он командовал.

И треть всех взрывчатых веществ – пороха и тротила – употребленных советчиками была поставлена союзниками. Иными словами, каждый третий снаряд и патрон, выстрелянные советскими солдатами и артиллеристами, был снаряжен импортным порохом или тротилом. Не нужно объяснять значение этого факта.

И вспомним подаренный СССР западный телефонный кабель, которым экватор можно было обмотать не один раз. Он был очень важным, но ещё важнее была поставка высококачественных радиопередатчиков.

А транспорт и связь это была Ахиллесова пята Красной Армии с первых дней войны. Как раз проблемы транспорта и связи были решены, прежде всего, за счёт поставок союзников.

Массированные поставки американских “Студебеккеров”, “Доджей”, “Виллисов”, прежде всего, конечно, грузовиков, которые обеспечили маневренность Красной Армии, и средства связи, радиостанции разного уровня, это, конечно, в существенной степени улучшило боевые возможности Сталина. И много чего другого – алюминий, и, конечно, знаменитая американская тушёнка, которую в СССР прозвали “второй фронт”.

Без поставок продовольствия можно с уверенностью сказать, что погибло бы на несколько миллионов больше советских людей во время войны. Причём, как раз на её уже завершающем этапе, в 1943–44 годах. Почему так? Потому что производство советское продовольствия в годы войны колоссально снизилось, мужчины были в армии, пахотную технику в армию забрали, многие пахотные земли были под оккупацией. В общем, тяжелейшая ситуация, возник острейший продовольственный кризис, и по запросу советского правительства большая часть поставок союзников, – это было продовольствие. Без этого многие районы страны ожидал реально смертельный голод.

Интересно, как и когда появилось название “Великая Отечественная Война”? Автор словосочетания “Великая Отечественная война советского народа” – глава Союза Советских Безбожников

Емельян Губельман-Ярославский, – так была озаглавлена его статья, опубликованная в “Правде” 23 июня 1941 года. И потом уже в речи Сталина 3 июля ещё раз упоминается “Великая Отечественная война”. И прослеживается эволюция терминов “отечество”, “патриотизм” и прочих в советском дискурсе.

В 1937 году, который печально знаменит, прежде всего, Большим Террором, в советской литературе, в публикациях в газетах, в театральных постановках не найдёшь термин “отечественная война”, потому что “отечество” считалось термином буржуазно-дворянским, вообще “не нашим”, и настоящая “Отечественная Война” была или “войной 1812 года” или “войной с Наполеоном”.

Впервые после долгого перерыва был реабилитирован этот термин в 1938 году в книге академика Тарле “Нашествие Наполеона на Россию”, и потом пошло-поехало. Можно привести и более разительный пример. В том же 1937 году праздновался ещё один удивительный не круглый юбилей, сколько-то там исполнилось с момента сражения на Чудском озере, Ледового побоища, и в “Правде” была передовица на эту тему. Там о чём угодно говорилось и любые имена назывались, кроме одного – имени Александра Невского. Почему? Потому что это был святой Русской Православной Церкви, это был князь, и в тогдашних советских представлениях он не годился на роль героя-освободителя, защитника.

Сейчас даже трудно представить себе, что был такой отрезок.

А как можно было представить в 1937 году, что в следующем году выйдет на экраны фильм Эйзенштейна “Александр Невский”, где он станет таким нормативным советским героем. Режиссёр Александр Довженко, выступая на конференции кинематографистов, цинично сказал, что Святой Александр Невский “вполне был мог работать секретарем Псковского обкома партии”.

И когда велись дискуссии, кому ставить памятник на Лубянской площади, Дзержинскому или Александру Невскому, то, конечно, спорили не о реальном Александре Невском, а о Николае Черкасове в роли Александра Невского в известном фильме. Никакого другого образа у советских людей больше, пожалуй, не существует.

Во Вторую Мировую советчики также развили мифологию в церковной политике. Что мол, якобы, осознали некие ценности иконные, народные и состоялось примирение с Церковью. Для примирения нужны две равные примиряющиеся стороны, а в данном случае Церковь просто использовали, когда это потребовалось.

Как происходит это “примирение”? С митрополитом Сергием Странгородским связались по

телефону и сказали, что надо как-то нормализовать ситуацию с Церковью, - соответственно речь шла и о восстановлении патриаршества, - нужно встретиться, обсудить. Он сказал: "Да, нужно подготовиться когда-то". "Почему когда-то? Давайте, сегодня". Буквально как какого-то секретаря райкома вызвали Сергия в Кремль и там ему сообщили о принятых решениях и о материальном обеспечении, выделении помещений, транспорта и прочее.

Прислужник Сталина
Сергий Страгородский

Надо было провести какой-то собор, нужно было собрать иерархов. А Сергий сказал: "Знаете, некоторых довольно сложно собрать, они находятся далеко", имея в виду, что они в заключении. "Ну, это уж наша забота", - сказал ему и оперативно собрали кого можно на собор.

Причём Сергий составил список из иерархов, которых он хотел, чтобы освободили. Это арестованные, пропавшие в 1937-38 годах, когда Церковь понесла колоссальные потери, и в итоге в 1939 году остались только четыре митрополита на свободе.

В этом списке двадцать пять фамилий. Сергий не знал, что двадцать четыре из них уже давно расстреляны, а единственный и довольно близкий к нему митрополит, который был арестован летом 1941 года, после начала войны, поскольку что-то не то где-то говорил, и был выслан в Казахстан, его так и не удосужились вернуть при жизни Сергия (это вот истинное отношение), и вернули из ссылки уже после окончания войны, после смерти Сергия.

И, конечно, это "примирение" с Церковью, как это показано в работах российских историков, имело главной задачей внешнеполитические цели. Речь шла об уступках союзникам, ведь общественное мнение на Западе требовало, чтобы в СССР как-то нормализовалось отношение к Церкви и к верующим. Поэтому и с репрессиями дали задний ход, и было разрешено празднование Святой Пасхи. Внезапно, вдруг было объявление по радио - Пасха 1942 года. Это вызвало потрясающую реакцию удивления у людей, причём многие верующие, по данным НКВД, возмущались, что в Церкви полно каких-то зарубежных фотокорреспондентов, которые делают снимки. Эти снимки были распространены на Западе, а не в Советском Союзе.

Этот жест 1943 года объяснялся далеко идущими планами как-то объединить славянские церкви и по религиозной линии воздействовать на жителей европейских стран. Тогда же, в 1942 году, была издана пропагандная книжка "Правда о церкви".

Д. Карамышев

АРМИЯ СОВКОВ – АРМИЯ ГАДЯЩИХ

Вернувшиеся два года назад в свои дома жители Бучи и Ирпня обнаружили, что их жилища были не только ограблены, но и изгажены. Кучи вонючего человеческого дерьма были повсюду: не только на полу, но и на столах, в постелях, в посуде. Притом что во всех этих домах были вполне благоустроенные туалеты. Пользуйся! Но нет. И так было везде, откуда уходила путинская армия.

Многие объясняли этот феномен простым отсутствием культуры и делали вывод о "врожденной ущербности народа-агрессора". Но дело вовсе не в этом. В конце концов, они же не гадят в своих деревнях, откуда их призвали на войну, не гадят в доме у соседа и, даже убив этого соседа по пьяни, не венчают дело, облегчившись ему в кастрюлю.

Неосоветские завоеватели подспудно, нутром ощущают свою миссию: разрушение цивилизации.

В школе советских детей принуждали прилежно изучать очерк Максима Горького «В. И. Ленин». Там есть такой фрагмент, заметно выпадающий из общего сладостного повествования:

«Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем Дворце. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды – уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это тёмное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное».

В последнее время в Германии после долгих лет замалчивания стали появляться свидетельства очевидцев советской оккупации 1945 года. Почти в каждой такой публикации отмечается обычай, удивлявший немцев, – покрывать всё сущее слюем своих испражнений.

Но ладно, не будем верить немцам (вдруг они русофобы). Почитаем соотечественников.

Вот откровенная запись писателя Юрия Нагибина из его фронтового дневника:

«Мы въехали сегодня в двухэтажный дом. В комнатах висят оборванные провода, поломанная мебель, фикус, иссохший до того, что, когда его тронули, он рассыпался, на полу книги – по медицине, инженерии, справочник Хютте и т. п. И всюду кал, даже на столе, печи, подоконнике, в колпаке висящей лампы. Я вначале не понимал эту страсть людей гадить на покинутых местах – домах, садах, дворах. Потом попробовал сам и нашёл в этом удивительное удовольствие».

Николай Никулин, оставивший замечательные воспоминания о последнем периоде Второй Мировой войны, описывает случай, когда он в Германии, будучи молодым командиром, пытался объяснить своим подчиненным, что гадить в занятых немецких домах нехорошо:

«В городе Алленштайне мы разместились в доме, брошенном жителями. Из одной комнаты пришлось вытащить труп старухи, лежащий в луже крови. Вся мебель и вещи были на месте. Поражала чистота, обилие всяческих приспособлений. Кухня блестела кафелем... Открыв дверь, я обнаружил гвардии ефрейтора Кукушкина, отправляющего надобность в севрское блюдо... – Что ж ты делаешь, сволочь, – заорал я. – А что? – кротко сказал Кукушкин.

Я был в бешенстве, а Кукушкин в недоумении. Он натянул галфифе и спокойно отправился доспать. Я же оставшуюся часть ночи лихорадочно думал, что же предпринять. И надумал – однако ничего более идиотского я выдумать не мог. Утром, когда все проснулись, я велел команде построиться. Видимо, было на лице моем что-то, удивившее всех. Обычно я никогда не практиковал официальных построений, проверок и т. п., которые предписывал армейский устав. Шла война, и мы чихали на всю подобную дребедень. А тут вдруг – «Рав-няйсь! Смирррна!»...

Все подчиняются, хотя в строю есть многие званием выше меня.

Я приказываю Кукушкину выйти вперед и произношу пламенную речь. Кажется, я никогда в жизни не был так красноречив и не говорил так вдохновенно.

Я зывал к совести, говорил о Прекрасном, о Человеке, о Высших Ценностях. Голос мой звенел и переливался выразительнейшими модуляциями. И что же? Я вдруг заметил, что весь строй улыбается до ушей и ласково на меня смотрит.

Закончил я выражением презрения и порицания гвардии ефрейтору Кукушкину и распустил всех. Я сделал всё, что мог. Через два часа весь севрский сервис и вообще вся посуда были загажены. Умудрились нагадить даже в книжные шкафы. С тех пор я больше не борюсь ни за Справедливость, ни за Высшие Ценности». Меж тем, если бы эти солдаты обладали даром красноречия, они могли бы прочитать молодому офицеру свою лекцию – о своих высших ценностях, о своем чувстве справедливости.

Польский писатель Станислав Лем попытался объяснить это явление в Европе во время триумфального шествия по ней советского солдата в 1945 году: «Этим они мстили не только немцам (в конце концов, – другим!) за то, что немцы устроили было в России, и они мстили всему миру за пределами своей тюрьмы мстостью, самой подлой из всех возможных: ведь они обгаживали всё – никакие животные не демонстрируют подобной, так сказать, эксcrementальной жестокости, которую демонстрировали советские, забывая и наполняя своими эксcrementами разгромленные салоны, госпитальные залы, биде, клозеты, гадя на книги, ковры, алтари; в этом обгаживании всего мира, который они теперь могли (какая это радость!) испинать, истолочь, обгадить...»

Это не просто месть тем, кто жил свободнее, богаче, разумнее. Это послание, которое описывает будущее занятых территорий. Мы же ясно видим, что если совково-путинский мир задержится там, куда пришёл, жизнь там деградирует, законы заменяются понятиями, экономика упрощается до средневекового уровня, на месте цветущих садов вырастают помойки, а искусство и культура умирают. Мы хорошо видим это на примере когда-то процветавших курортов Абхазии, на примере ухоженных Донецка и Мариуполя, превращённых в бандитские анклавы либо вовсе разрушенных.

Совковые завоеватели подспудно, нутром ощущают свою миссию: разрушение цивилизации. Любкой. Не только европейской. Это не отношения победителя – проигравшего (как бывает на войнах), это именно послание окружающему миру, в котором содержится символ будущего.

Николай Греков

ПРОСНИСЬ, РУССКИЙ НАРОД!

«Русский народ будет жить вечно, пока помнит подвиг предков в ВОВ» ("Великой Отечественной Войны", то бишь советско-германской) – заявила путинская пропагандистка Маргарита Симоньян.

Организм, конечно, реагирует на эту дрянь мгновенно: привычно тошнит от аббревиатуры «ВОВ» (большую пошлость, чем эта «ВОВ», трудно найти), бесит дурной пафос, раздражает причинно-следственное соседство слов «пока» и «вечно»...

Но главное, отчего накачивает тоска (и накачивает давным-давно, всякий раз, по мере приближения обезумевшей страны к своему культовому

празднику) – касается, конечно, не стиля сказанного, а его сути.

В том-то и дело, что ничего люди не помнят про ту страшную войну. Ни про её истоки, ни про союз с Гитлером, ни про цену, заплаченную потом... Ни про то, что сделал с победителем Сталин. И сама Маргарита Симоньян – разумеется, одна из главных производителей гадкой совпатриотической жвачки, заменившей горькую правду о той войне.

Народ (если позволить себе, вслед за путинской пропагандисткой, эту среднестатистическую дефиницию) так и не смог за восемь десятилетий по-настоящему

вглядеться в эту правду. Ему всё время промывали мозги.

А в новейшие времена уже впал в амнезию, предложенную вороватым начальством.

Танковый грохот по главной брусчатке страны и самоубийственная угроза «повторить» давно вытеснили из коллективного мозга десятки тысяч трагических свидетельств и тяжёлые предупреждения историков. И новые сотни тысяч трупов, своих и чужих, которыми Путин усеивает свои и другие земли сегодня – прямое следствие этой амнезии.

Проснись, русский народ!

Ф. Сергеев

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОДТЕКСТ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Белинский не захотел вступить в диалог с Гоголем. Не захотел понимать, что гоголевские произведения строятся на едином принципе – и раннего Гоголя, и позднего Гоголя: в каждом его произведении так или иначе мерцает совершенно отчетливый пасхальный архетип.

Например, «Мёртвые души» должны непременно воскреснуть.

Начинаются «Мёртвые души» определённым образом, завершаются тем, что мёртвые души должны воскреснуть. «Выбранные места из переписки с друзьями» начинаются строками о близкой смерти, завершаются главой «Светлое Воскресенье». Начинается «Ревизор» определённым образом, завершается «Ревизор» сценой Страшного Суда, сценой, когда мы с вами должны внутренне умереть. Это – задача Гоголя.

Надо с уважением относиться к гоголевской установке. Задача Гоголя состоит в том, чтобы мы почувствовали себя в зале, а не хлопали, как дураки, из-за того, что это прекрасная, лучшая русская комедия 19-го века. Мы должны остановиться в конце, почувствовать, что умерли не только те актёры, которые в немой сцене замерли, мы – мёртвые души.

И только после этого, после того как мы осознаем, что не о них это произведение, не о них «Мёртвые души», не о них «Выбранные места», а о нас именно, только после этого мы уже должны, две-три минуты почувствовав себя мёртвыми, в аплодисментах воскреснуть.

В моей книге «Русская классика: Новое понимание», не об идеологии идёт речь в новом понимании, а о личностной установке...

Белинский начал с того, что Гоголь идеологически ошибался. В том, что Россия не такая, как её мыслит Гоголь, что в России всё так, как мыслит Белинский. И дальше он, ровно так же как это делали все советские годы (может быть, не с таким экстремизмом, но ровно так же), рассказывает Гоголю, какая правильная Россия, и показывал Гоголю, насколько он неправ.

И далее было приблизительно так же: русским писателям показывали и рассказывали, их объясняли, как, например, объясняют птиц, животных, объясняют, как устроен мир.

Любое произведение может быть понято как литературная вещь. Но за этой вещью всё-таки мерцает, так или иначе, второе сознание, и это второе сознание – сознание автора.

Я скажу какой гуманитарной традиции я наследую. Потому что любой человек, если он не совсем идиот, не может претендовать на то, что с него начиналась наука или новое понимание. Это, конечно, глупая установка и нелепая. Кому я наследую? Позиции М. М. Бахтина. Я ревизию Бахтина, я бахтинист-ревизионист, но всё-таки он, сначала в полемике с формальной школой, с марксистскими установками, затем в своих фрагментах (они опубликованы, но это фрагменты) высказывал очень интересные претензии к овеществлению своего предмета у структуралистов.

Вот, например, Бахтин писал: «Они во всем видят структуры, а я во всем слышу голоса». В принципе, моя установка сочувственна по отношению к Бахтину. Но дело в том, что эпигоны бахтинские абсолютизировали совершенно его установку. Им хотелось показать, что этот забытый русский

учёный так велик, что каждое его слово – практически истина. Но сам Бахтин в разговоре с С. Г. Бочаровым признавался, что он, например, в книге о Достоевском не сказал самого главного. Он как раз признавался, что здесь у нас, под несвободным небом невозможно это главное. И, таким образом, он что-то недоговорил.

Для такого понимания, которое я предлагаю, необходимо вспомнить о двух не литературоведческих, а чисто жизненных подходах, к которым мы все сопричастны. Например, можно истолковывать того же Достоевского как человека, который писал анти-нигилистические романы и жил в определённое историческое время, и умер в определённое время, то есть понимать его как узко понятую часть истории русской литературы.

И точно так же можно относиться к Пушкину и к кому угодно. Это один совершенно необходимый подход, я совершенно с ним не полемизирую и его не отрицаю. Но возможен и другой подход – с позиций так называемого «большого времени», в котором никакой Достоевский не умер, в котором он бессмертен. Что это за «большое время»? Опять-таки я сошлюсь на Бахтина, который, очень справедливо указывая, что Шекспир эпохи театра «Глобус» – это один мелкий Шекспир, а Шекспир нашего времени – это подлинный, настоящий, а не модернизированный нами Шекспир.

Потому что это «большое время» позволяет вскрыть такие глубины, которых совсем не понимали современники Шекспира. И в этом смысле Шекспир уже состоялся, а Достоевский не состоялся, настаивал Бахтин. Потому что его всё время сводят к позиции только жильца 19-го века. И дело не в том даже, что он напроорочил в «Бесах» революцию. Нет, Михаил Бахтин настаивал, что его надо рассматривать в «большом времени».

Я полагаю, что Достоевский в своем художественном творчестве выразил какие-то до него не выраженные ещё грани русского православного образа мира. Именно русского православного образа мира, который совсем не упирается в наши национальные особенности, а который живёт в рамках определённой цивилизации, в диалоге с другими цивилизациями.

У Достоевского, например, одна из фундаментальных оппозиций, если говорить тартусско-московским языком, – это оппозиция закона и благодати. Он, например, показывает, что самые ненавистные для него персонажи – это законники. И он это выразил не на уровне школьного богословия, катехизиса, каких-то построений, которые всегда были слабы в России, а он это выразил в художественной форме.

Причём в каждом своем произведении он показал, что это не сводимо лишь к 19-му веку. И здесь сам Достоевский настаивал, что дело совсем не в идеологии, а в видении мира. Он мир увидел таким образом. Потому что у него и князь Мышкин – юродивый. Он же пытался его сделать сначала серьёзным, но потом понял, что эта серьёзность только приведёт к срыву.

В моей названной книге одна из глав посвящена категории юродства. Без экатегории юродства невозможно понять русскую литературу, – без того, что юродство в русском сознании граничит со

святостью. Мы должны понимать, что это являлось для Достоевского ценностью безусловной, чтобы в обыкновенный, нормальный диалог войти с его произведениями, чтобы увидеть за его текстом, как вещь, сознание самого Достоевского, – иначе понимание невозможно.

Лев Толстой глубоко воплощает в подтексте те же самые установки, что и его антагонист Фёдор Михайлович. Причём я занимаюсь только художественными текстами, не трогаю публицистику – ни Достоевского, ни Толстого. В художественных своих текстах рационалист, утопист, анархист, борец с Шекспиром и так далее, Толстой в своём творчестве глубоко воплощает в подтексте (я показываю в своей книге, как именно это происходит) те же самые установки, что в некотором смысле его антагонист Фёдор Михайлович.

Причем, бессознательно. Я там ввожу категорию «культурного бессознательного». Её ввожу я, потому что Юнг писал как раз о коллективном бессознательном, Фрейд писал о личном бессознательном.

Толстой пишет произведение «После бала». Сознательная цель Толстого состоит в разоблачении проклятого социума. Он хочет показать, что этот социум настолько лжив, что на балу у него одно, а после бала... христиане не милосердствуют по отношению к татарину – инородцу, как тогда говорили в Российской Империи.

Заканчивается тем, что у рассказчика Ивана Васильевича, совершенно жизнь не задалась. Такая была задача у биографического Толстого, который писал этот рассказ совершенно сознательно. Но я показываю, что, тем не менее, Толстой находился в определённом типе культуры, – этот тип можно назвать православной страной, православной культурой. И сие отпечаталось в этом тексте. Каким образом? Тем, что это произведение о любви! Начинает свой рассказ Иван Васильевич тем, что он был сильно влюблен. Предмет его любви, Варенька, у которой розовое платье, и которая потом в его сознании как бы рифмуется с исполосованной спиной этого несчастного татарина. А затем он, в сущности, отрекается от своей любви.

То есть это повесть не об обличении проклятых порядков, а повесть об оскудении любви. И, между прочим, сам рассказчик, когда его спрашивают слушатели: «Ну, а с любовью-то что?», он совершенно забывает, что он начинал свою историю как историю любви.

И в чём виновата эта Варенька? У неё есть, конечно, ужасная вина. Она очень его любит, а он с ней поступает ещё более жестоко, чем солдаты с татаринцом: он от неё отрекается. Почему? А потому, что она дочь полковника. Всё. Больше никакой вины нет. И он наказан за это тем, что он ни по какой линии не преуспел и жизнь его не удалась. Толстой говорит о прощении, но это прощение его рассказчик демонстрирует по отношению к предмету своей любви.

Я обращаю внимание, что так художественно, а не идеологически этот рассказ построен, что этот бал – это последний бал перед Великим Постом. Потом, на утро – день, который называется Чистый Понедельник. Как встретил рассказчик Чистый Понедельник? Он с приятелем напился совсем

пьян. Таким образом не проклятый социум, а он сам своими собственными руками уничтожает своё возможное счастье. Именно это лежит в культурной матрице, в культурном бессознательном Толстого, и сам бы он со мной бы согласился. А потому, что он написал послесловие к рассказу Чехова «Душечка», где ровно так же, как я сейчас поступил по отношению к Толстому, он поступил по отношению к Чехову. Он пытался показать, что сознательно, на уровне сознания Чехов хотел проклясть свою героиню, но бог поэзии, писал Толстой, запретил ему проклясть героиню, и он вне своего сознательного намерения её восславил. Сам Толстой допускал такие случаи.

То же самое проявляется у рационалиста Толстого в «Войне и мире». Речь идёт только о художественных произведениях, мы не трогаем обличение Толстого, не трогаем его жизненную колею.

Есть в футболе такое понятие – «работать чистыми мячами». Вот я работаю с чистыми художественными текстами, но показываю как на пяточке маленьком работают механизмы «большого времени» православной культуры, как они корректируют...

Православная культура, православная традиция очень много значила для русских писателей, потому что все они – жили в православной стране России.

Мы сейчас, как исследователи, больше можем увидеть в тех прошедших эпохах, чем видели сами писатели этих эпох. В том числе и писатели 18–19-го века.

В каком смысле больше? Как в старой русской гимназической шутке. «Что самое главное, чего не знали о себе древние греки?» Ответ понятный: «Что они древние».

Вот эти писатели могли сколько угодно сражаться, как Толстой, который не только с Церковью сражался, он и с государством сражался, как Тургенев, как Салтыков-Щедрин. Они жили в «малом времени» их жизни. Мы живём в определённое время, тут ничего не поделаешь. Может, нам не нравится идеология страны, в которой живём, – это другое дело. Но когда эта эпоха заканчивается, то мы видим, что греки, при всей их разнице, были древними греками, это самое главное. При всех спорах (например, споре Общества Любителей Российской Словесности и «Арзамаса»: одни – квазиконсерваторы, другие – квазиноваторы, они сражаются, высмеивают друг друга), но такого рода полемика, которая очень ожесточённая в «малом времени» их жизни, на самом деле является репликами разных сторон, но в пределах единой культуры. И эта культура всё-таки православная. Но не идеологически, не то что, человек может безостановочно учебник по катехизису изложить, вы его поймаете, а он будет вам с первого пункта по десятый говорить, а то, что, например, любовь выше закона, что юродивый – это святой... Как у Толстого в «Детстве». Он показывает, что очень любили юродивых, он не совсем дурак юродивый, потому что он что-то прозревает, а шут – это плохо. В каких-то базовых понятиях русские писатели, как это ни странно, были едины.

Проф. Иван Есаулов

ЧИНЫ РУССКОГО КОРПУСА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

К 80-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ЭПОПЕИ РУССКИХ БЕЛЫХ НА БАЛКАНАХ

Письмо подпоручика Геннадия Сигизмундовича Жеромского своему боевому товарищу лейтенанту Леониду Борисовичу Казанцеву. Жеромский был в эмиграции в Югославии юнкером роты допризывной молодёжи Русского Обще-Воинского Союза. В Русском Корпусе – юнкер 1-ой сотни 1-го батальона 1-го полка. В 1942 году окончил военно-училищные курсы. После войны переехал в Австралию и на 1982 год являлся председателем Мельбурнского отдела Союза Чинов Русского Корпуса.

Леонид Борисович Казанцев окончил в Югославии 1-й Русский Кадетский Корпус и Королевскую Военную Академию. Стремясь участвовать в освобождении России от коммунизма, в составе Бранденбургской дивизии был на Восточном Фронте. С 1943 года в Русском Корпусе. Сначала связной при Штабе, затем фронтовик. Командир 1-го взвода 4-ой учебной роты 3-го батальона 2-го полка. Вывел из окружения под Авалой группу частей 2-го и 3-го полков. Этот эпизод Жеромский называет «победоносным отступлением». После войны переехал в Аргентину и в 1973 году принял сан диакона. Скончался 27-го января 1974 года.

Мельбурн 7.6.71

Дорогой Лёня!

Пусть Тебе не покажется странным, что вдруг, после стольких лет по окончании войны, откуда не возьмись объявляется человек с претензией на то, что он с Тобой не только знаком, но даже считает Тебя своим хорошим другом. Ведь 27 прошедших лет могли полностью изгладить в памяти более важные происшествия в жизни, чем случайная короткая связь с одним человеком из массы окружающих.

Держау напомнить Тебе, что наша товарищеская связь, хотя и краткосрочная, зародилась во время великого

победоносного отступления с Балкан. Если Ты припомнишь октябрь, ноябрь, декабрь 1944-го года и январь 1945-го, то Тебе не трудно будет вспомнить и меня.

Мы ближе сошлись и тесно подружились, когда стояли вместе на квартире какого-то мясника в Брчко. Затем в Сибине. Ты не хуже родной матери возился со мной во время моей болезни, за что я у Тебя на век в долгу.

Там же ты меня снарядил в лазарет из которого я больше в Корпус не вернулся. После долгих скитаний по лазаретам, перед самым концом войны, выйдя в заштопанном виде и получив отпуск на выздоровление, я прорвался в маленькое местечко в нижней Австрии, где ждали меня моя мать и подруга сердца.

Отпуск истекал в самый день капитуляции. Корпус же попал в Келлерберг и таким образом я был оторван от родной военной семьи и своих добрых товарищей.

Сменив потрёпанный мундир на штатское платье, я сначала некоторое время бездействовал строя планы на будущее. Но, увы, эти планы были туманны, тем более, что я застрял в советской оккупационной зоне. Нельзя сказать, что я склонен к авантюризму за отсутствием храбрости, но тут я решил поиграть судьбой. Я перебрался под самую Вену и со своим другом Колей Лазаревым устроился на работу в одном строительном предприятии, имея ввиду, что при возможности продолжу образование в университете в Вене.

Игра стоила свеч и выражаясь торговым языком, несмотря на порядочные убытки, главными из которых были расстроенные сердечные дела, потеря друзей и надорванное здоровье вследствие перегрузки работой и учением, доходная

статья перевесила. Я закончил университет и стал на твёрдые ноги, что в последствии в корне изменило мою жизнь.

С дипломом в кармане, я в 1950 году избрал свободу и перебрался, при помощи поддельного паспорта и чужой фамилии, на запад и уже в 1952 году бороздил океан по направлению к Австралии.

Прибыв сюда, к моему огорчению, я никого из старых друзей не нашёл. А что самое прискорбное, я не знал где их искать и все мои попытки кое-кого найти остались безуспешными.

Здесь появились новые друзья, но верь мне, старый лучше новых двух. Несмотря на это я не терял надежды, что рано или поздно кто-нибудь из товарищей объявится.

И вот, не так давно, хороший знакомый, некий Е. Г. Фест, сотрудник газеты «Наша Страна», дал мне прочитать великолепную статью в этой газете – обращение к нашей молодёжи – подписанную Казанцевым. У меня аж сердце ёкнуло, но Евгений Максимилианович обдал меня ушатом холодной воды сказав, что автор статьи молодой человек, не старше 25-ти лет. Увы, автором Ты быть не мог.

Я забрал газету и дома, в полной тишине, углубился в содержание этой статьи. У автора мысль текла свободно и чувствовалась уверенность, что он знает о чём он говорит и всё это обнажённым пальцем указывало на Тебя. Тот же ход мысли, та же уверенность как её помню из наших с Тобой бесед на разные темы на досуге в Брчко. В этот момент я бы побился об заклад с кем угодно, что автор статьи должен быть в кровном родстве с Тобой.

Моё предчувствие меня не обмануло и оказалось, что пишущий Казанцев Твой родной сын. Я пристал к Фесту и он мне достал Твой адрес, в следствие

чего я имею возможность связаться с Тобой и питаю надежду, что у нас с Тобой завяжется переписка.

Дорогой друг, если найдёшь возможным и тебе будет угодно, ответь на это письмо, – я счастья большего не знаю, чем друга старого найти, когда кругом тебя всё чуждо на новом жизненном пути.

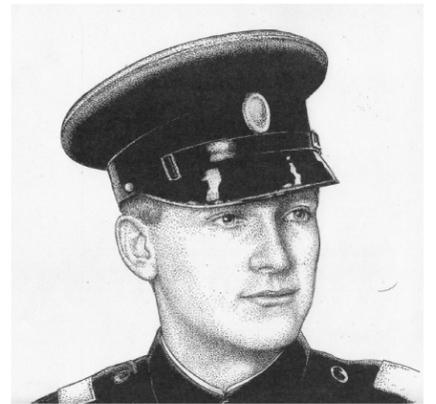
Кроме того, в состоянии нашего рассеяние здорово приятно будет поговорить со старым товарищем.

Пиши о себе, пиши о жизни в новых краях, где люди ходят вверх ногами и жизнь также в антиподах. Ещё на что я надеюсь это, что при Твоей помощи я смогу разыскать ещё кого-нибудь из старых друзей. Так например если Тебе встречалась фамилия инженера Николая Лазарева, который по недостоверным сведениям выехал тоже в Аргентину, не откажи мне как его найти, если Ты знаешь.

Также сообщи пожалуйста адрес Шуры Политанского. Я с ним дружил в 1-ой Юнкерской роте у полковника Гордеева-Зарецкого.

Твоей семье, которая меня конечно не знает, но даст Бог узнает по переписке, шлю до сырой земли поклон, а Тебе мысленно жму Твою могучую десницу.

Твой Геннадий

Леонид Борисович Казанцев

ПАМЯТИ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ «FRENTE COMUN»

Шестьдесят лет назад в Буэнос Айресе, 12 декабря 1965 года, в возрасте 60 лет, скончался Николай Николаевич Мазаракый. Он родился в С.-Петербурге 11 июля 1905 года. Гимназию окончил по экономическому отделению в городе Данциге и был направлен стипендиатом в Льежский Университет, который окончил – тоже по экономике – в 1927 году.

Два года спустя женился на Дорофее Николаевне Воронцовой, верной спутнице жизни.

Владея несколькими языками, абсолютное знание французского дало ему возможность в 1945-46 годах перевести на сей язык, под псевдонимом Н. Полтавцева, ряд романов Достоевского, а именно: «Бесы», «Униженные и оскорблённые», «Подросток», «Идиот», а также «Мертвые души» Гоголя и прозу Пушкина. Эти переводы были выпущены французским издательством.

Н. Н. был причастен к церковной

жизни; с юношеских лет пел в церковном хоре, благодаря своей музыкальности постиг регентское искусство и уже в 22 года управлял церковным хором. Сперва – в Льеже, а затем в городе Генте.

В Брюсселе, Льеже и Генте он организовал и дирижировал множество русских концертов, главным образом, духовной музыки, заинтересовавших широкую публику и получивших лестные отзывы в местной прессе.

Его увлекала генеалогия. Им было оставлено много обработанного материала о родословии русского дворянства. Н. Н. сотрудничал при выпуске книги Игоря Третьякова «Гербовик», изданной по французски Русским Историческим и Генеалогическим Обществом в Брюсселе.

Николай Николаевич Мазаракый также проявлял свою деятельность на общественно-политическом поприще. В Льеже в 1930 году им был организован

Клуб Русских Эмигрантов.

Он считал, что не надо убеждать и так убеждённых русских белых эмигрантов, а необходимо просвещать местных жителей, мало разбиравшихся в том, что собой представляет коммунизм. В Буэнос Айресе, куда он приехал в 1948 году, им была создана большая антикоммунистическая газета на испанском языке «Frente Común» («Общий Фронт»), которую он редактировал около пяти лет.

В начале 1954 года эта газета, за неимение средств, которые неустанно добывал Н. Н., перешла в руки антикоммунистов-венгров.

В 1958 году Н. Н. создал новую газету, тоже на испанском языке: «Noticiero Anticomunista», которую издавал до начала 1965 года, когда его постигла болезнь.

Одно время он был регентом хора молодежи в Казачьей Станице имени генерала Петра Николаевича Красного в буэносайресском пригороде Кильмесе.

В «Нашей Стране» и журнале «Православное Слово» печатались его статьи на исторические темы. Зарабатывал он на жизнь подвизаясь главным бухгалтером в строительной фирме.

К концу жизни был прикован к постели, но и тут он был полон оптимизма и всяких планов, надеялся поправиться и наверстать упущенное в своей антикоммунистической работе.

Русская белая колония преждевременно лишилась горячего патриота и верного сына Русской Православной Церкви Заграницей.

Б. Гасан

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев.

NUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>